

«НИБРАТЬ!!!» Огромные красные буквы на альбомном листе. И рядом стоит блюдо с апельсиновым джемом. Значит, Леня снова проснулась первой и расставила по дому угощения для Изольды. И зачем я научил её писать? Надо найти и обезвредить эти ловушки раньше, чем проснётся мама. Аккуратно так обезвредить, не нарушая приказа «нибрать», иначе сестра закатит истерику. Задвинуть куда-нибудь, накрыть или припрятать. Чтобы мама их не увидела и не стала задавать вопросов, а Леня в тысячный раз на этой неделе не втянула бы нас в разговор о пропавшей мухе. Иначе у меня точно крыша поедет: уже слышу жужжание внутри головы.

Я по-быстрому поджарил тосты, поставил тарелку на альбомный лист, придвинул

к ней блюдец с джемом. Мама проснётся — завтрак уже на столе: тосты и апельсиновый джем. Пока Лень смотрит ритуальные утренние мультики, мама уничтожит кухонный «нибрать». Да я просто гений!

Ещё два «нибратья» нашлись в гостиной на подоконнике и на столе нашей с сестрой комнаты. Особенно опасна была гостиная, потому что в детскую мама зайдёт только во время уборки, а до неё несколько дней. Я передвинул горшок с фикусом на листок бумаги — так, что он перекрыл надпись и загородил собой блюдечко с джемом. Когда мама найдёт послание от сестры, я уже буду на улице. И пусть Лень её, а не меня пытается своей Изольдой! Потому что я слышать больше не могу завывания о том, как её любимая муха, которая каждый год осенью засыпает где-то в квартире, этой весной забыла проснуться... Ведь логику сестра игнорирует: я ей сто раз говорил о том, что обычная муха прожила бы у нас от восьми до двадцати дней. А Лень отвечает:

— Это обычные! А моя Изольда — особенная.

Вообще, во всей этой истории виновата, конечно, мама. Она когда-то пошутила и назвала Изольдой весеннюю муху, которая однажды появилась в нашем доме. Я говорил, что муха влетела в открытую дверь, а мама со смехом спорила: нет, она зимой сладко спала, а весной проснулась и восстала «изо льда». Мама не сама этот лёд придумала, а подслушала где-то в офисе — она работает в рекламном агентстве. А Лени только дай волю пофантазировать! Она сразу же сочинила историю про вечную муху.

Иду кататься, завтрак на столе, приятного аппетита.

Пишу маме сообщение в будущее, хватаю доску и мчу на пустырь. Местные скейтеры недавно скинулись и поставили там рампу в несколько уровней. Вокруг неё крутилось столько народу, что обычно я сидел и смотрел, как другие катаются. Но кто в субботу в девять утра будет разучивать трюки? Только те, кому дома нет места.

По фанерному дну рампы ходили важные голуби. Я съехал по наклонной стенке, разогнал голубей, восстановил равновесие и попытался сделать «олли». Облом. Ещё одна попытка. Снова облом.

Я сидел на краю рампы и подкручивал колёса у скейта, когда на горизонте показалась Рита Зыкина с коляской. Мы с ней за одной партой сидим. Я кивнул издали, а Зыкина крикнула:

— Можешь посмотреть на малыша, если хочешь!

Меньше всего меня интересовал чужой малыш: со своим не знаешь что делать. Но у Зыкиной ещё несколько лет алгебру списывать, а раньше мы с ней вообще были лучшими друзьями. Я спустился с рампы, подошёл к коляске и заглянул внутрь. Там лежал младенец с огромными голубыми глазами и сосал угол пледа. Я по-братски решил поддержать старшую сестру:

— Часто плачет?

— Бывает, — почему-то с гордостью ответила Зыкина.

— И как ты это терпишь? Надоел уже, наверное? — участливо спросил я.

— Ты чего, это же *мой* брат! — возмутилась Зыкина.

Она так это сказала, как будто в том, что брат появился, есть её заслуга. Или как будто она сама его родила.

Когда Рита ушла, я подумал: наверное, придираюсь к Лени из-за того, что она не полностью *моя* сестра. Всё-таки у нас разные отцы. Дядя Гоша прожил с нами недолго. «Не выдержал тягот отцовства», так мама считает. А ещё я «попил у него крови» — это тоже мама сказала. Когда я был помладше, то с восторгом и ужасом представлял себе такую картину: дядя Гоша сидит на диване с крошкой Ленью в одной руке, а я присосался ко второй и пью кровь из его вены. Шок и трепет!

Но потом я понял: то, что мы с Ленью всего на пятьдесят процентов родня, меня ни капли не беспокоит. Дядю Гошу я хоть немного помню, а своего отца вообще никак. Однажды я спросил маму, почему папа меня бросил. А она сказала, что я тогда

ещё даже не родился и бросил он не меня, а её. Я так и не понял, знал ли мой отец о том, что я должен был появиться, или нет. Мама после нашего разговора целый день ходила грустная, поэтому я больше не спрашивал об отце.

Вообще любить можно не только кровных родственников, в этом я на сто процентов уверен. В обычных семьях мужья с жёнами не родные, а всё-таки любят друг друга! Бесит же меня Леня тем, что она совсем не хочет взрослеть. Реальная жизнь её нисколько не интересует. Сестра вечно плавает в своих мечтах, а мы с мамой — в игрушках и вещах, которые она раскидывает.

— Ванечка, помоги мне, пожалуйста, всё это убрать, — жалостливо просит мама. Знает, как просить: если бы сказала «помоги Леночке убрать», я придумал бы кучу отмазок. Но маме отказывать я пока не научился. Поэтому с неохотой начинаю помогать, а мама шмыг — и за компьютер. Получается, что заканчиваю уборку я один. А сестра в это время рисует что-нибудь, лепит и поёт себе под

нос. В общем, из-за этого я вместо Лены и зову её Ленью. Ленилась она умеет лучше всех!

Как-то раз я попытался перевесить уборку на Калину Калялю, Ленкину няню. На самом деле няню Галиной Николаевной зовут. Но мы по-прежнему называем её так, как маленькая Леня придумала, когда ещё плохо говорила. Калина отбилась:

— Я воспитатель-методист, а не уборщица.

И не поспоришь. Уборщик в нашей семье всего один.

Когда я открыл входную дверь квартиры, Леня уже караулила меня в коридоре.

— Как ты думаешь, зачем мою Изольду украли?

Украли? О нет, только не новая версия этого бешеного сериала! Сейчас она опять насочиняет всяких подробностей и будет неделю меня ими пытаться! Вот так подростки и уходят из дома!

Но за годы жизни с младшей сестрой я успел уяснить, что с детьми, как

и с сумасшедшими, лучше не спорить, поэтому просто сказал:

— Без понятия.

— Помоги мне найти мушиных врагов! Пожалуйста! — заныла Лень.

— Худшие враги мух — маленькие дети, — мстительно сказал я. — Они отрывают им головы и крылья.

Сестра вытаращила глаза и, кажется, собралась плакать. Хуже вредной Лени может быть только плачущая Лень, поэтому я сразу же сдал назад:

— Но, так как маленьких детей в нашей квартире, кроме тебя, нет, мы можем быть спокойны за Изольду.

— Тогда она давно должна была проснуться, — заныла Лень. — Получается, её всё-таки украли. Помоги мне узнать заче-е-ем!

Я хотел снова сказать какую-нибудь гадость, но вспомнил Зыкину и её брата с пледом во рту. Если Рита так гордится младенцем, то почему я не могу быть более терпеливым с сестрой? Может, Лень такая вредная потому, что у неё какой-нибудь детский кризис? Но сразу сдавать-

ся не хотелось, поэтому я пообещал подумать, чем ей помочь.

На самом деле я стал думать, как помочь себе. Пока Лень не получит свою Изольду, от меня не отстанет. Поймать подставную муху я не смогу: у нас с ней совершенно разные скорости. Поэтому я решил развить идею сестры с приманкой. Пусть к нам прилетят все весенние мухи, а Лень устроит конкурс на роль Изольды!

Когда мама и сестра уснули, я пробрался на кухню, достал из холодильника тарелку с остатками арбуза. Открыл окно и поставил тарелку на подоконник так, чтобы она подпирала оконную створку.

Проснулся я от звона разбитой посуды, скатился с верхнего яруса кровати и побежал на звук. За мной семенила лохматая Лень, а в коридоре мы столкнулись с мамой, она на ходу надевала очки. Остановились в дверях кухни и увидели голубей, которые бродили среди осколков тарелки, склёвывая с липкого пола арбузные семечки. От стены к стене метался обезумевший от страха воробей. Определённо, в этом

птичьим апокалипсисе мухам не было места.

— Ну сколько можно! — закричала мама на Лень. — Своими приманками выстудила всю квартиру!

— Это не я-а-а! — заревела сестра.

— Это правда не она. Сейчас всё уберу, — поспешно сказал я. И чего мама так разоралась?

— Ты бы ещё кучу посередине кухни наложил. Лучшая приманка для мух, — зло сказала мама. — Очень всё вовремя. Как раз в тот день, когда я пригласила коллег! Если ты помнишь — мы выиграли тендер, и всё благодаря мне!

— Вы же вроде в бар собирались? — спросил я. Про тендер этот я помнил, конечно, это что-то типа конкурса в рекламном мире. Мама два месяца к нему готовилась, а когда узнала о победе, бегала по квартире и радостно кричала.

— Калина Каляля отказалась прийти в выходной, — сказала мама, понемногу успокаиваясь. — У неё дача и личная жизнь. А одних вас я надолго оставить